

Шаповалов Сергей Николаевич

преподаватель кафедры истории и культурологии
Кубанского государственного университета
dom-hors@mail.ru

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Аннотация:

В статье анализируется зарубежный опыт изучения советских государственных праздников, влияние государственных праздников на развитие советской культуры, особенности организации и проведения официальных праздников, значение праздников для общества и государства.

Ключевые слова:

советский государственный праздник, театральные представления, советская культура, официальные празднования, формы празднования.

Shapovalov Sergey Nikolaevich

Lecturer, History and Cultural Studies Department,
Kuban State University
dom-hors@mail.ru

**STATE HOLIDAYS
IN THE SOVIET UNION:
FOREIGN EXPERIENCE**

Summary:

The article analyzes the international experience of studying the Soviet state holidays, the impact of public holidays for the development of Soviet culture, especially the organization and conduct of public holidays, the meaning of holidays for state and society.

Keywords:

Soviet state holiday, theatrical performances, Soviet culture, the official celebration, form of celebration.

Вопросы развития и функционирования советских государственных праздников всегда вызывали неподдельный интерес среди зарубежных ученых (историков, культурологов, социологов). Их роль и значение, сущность и содержание, опыт и проблемы организации и проведения, влияние на формирование общественного мнения, на культурное развитие и повседневную жизнь советских людей выступали объектами изучения целой плеяды советологов – специалистов по советской истории во всех ее ипостасях. Еще в советское время в США и Западной Европе выходит ряд публикаций, посвященных исследованиям советской праздничной культуры. Такие специалисты, как Шейла Фитцпатрик, Сара Дейвис, Йохен Хеллбек, Линн Вайола заложили основы для последующих исследований советских праздников. В настоящее время количество публикаций по данной проблематике существенно возросло, и это можно объяснить ростом интереса как в целом к советской истории, так и в частности к советской праздничной культуре. Характеризуя современное состояние заявленной проблемы, можно назвать некоторых исследователей, которые внесли существенный вклад в опыт изучения советских праздников: К. Жигульский, Ш. Плаггенборг, К. Петроун, Дж. фон Гелдерн и др.

Своеобразным водоразделом в изучении советских праздников является монография К. Жигульского «Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога». Вышедшая в свет на заре перестройки (1985) и написанная польским социологом и министром культуры Польской Народной Республики, она представляет собой синтез как советского, так и зарубежного опыта исследования праздника. В своей работе Жигульский проводит подробный анализ трансформации как европейской, так и советской модели праздника. Выполненная на стыке социальной философии, культурной антропологии, социальной истории и культурологии монография Жигульского представляет интерес для специалистов различных областей знания.

К. Жигульский в своей работе описывает типичную модель государственного праздника, включающего следующие элементы: «отдание почестей символам и знакам, воплощающим идею государства, демонстрация вооруженной силы для подчеркивания мощи, суверенности и международного значения нации, публичное награждение отличившихся перед властью и правительством» [1, с. 145]. Помимо наград, выступающих как форма праздничных даров, во время праздников «публично и четко демонстрируется структура государственного аппарата. Видные деятели государства появляются на почетных трибунах, люди надевают ордена и знаки отличия, члены организаций и различных общественных объединений – мундиры и форменную одежду. Праздничные церемонии проходят в столицах и административных центрах, повторяя одну и ту же общую схему» [1, с. 146]. Таким образом, в понимании Жигульского государственный праздник – это прежде всего военно-политическое действие, близкое к параду. Причем, как

отмечает сам автор, такая модель является универсальной и реализуется во всех государствах.

В Советском Союзе этой модели полностью соответствовали праздники Октябрьской революции и Первого мая. Каждый из них продолжался два дня. В первый день проходили публичные торжества, прежде всего – демонстрация трудящихся, а на праздник Октября – еще и военный парад. Эти важнейшие праздники проходили в Москве на Красной площади. С трибуны мавзолея руководители партии и правительства принимали праздничный парад и приветствовали участников демонстрации трудящихся. В торжествах непосредственно участвовали миллионы людей. Второй день заполнялся развлечениями, играми, спортивными состязаниями, концертами и другими культурными представлениями [1, с. 280].

К. Жигульский подчеркивает, что в основе советских праздников лежали не выдуманные факты, а реальные исторические события. Поэтому ориентация на важнейшие даты истории СССР потребовала создания соответствующих праздников, обрядов, ритуалов, традиций, художественного оформления. Называя опыт Советского Союза уникальным, он описывает процесс создания первых советских праздников, которые впоследствии образовали неповторимую советскую праздничную культуру.

В своей работе «Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма» Ш. Плаггенборг отмечает, что праздники можно назвать высшей формой репрезентации культуры, так как при их проведении соединяются в единое целое разные уровни выражения: слово, изображение, движение, инсценировка. Исследуя культуру советских государственных празднеств, он выделяет три основных аспекта: их эффективность как форму выражения; интегративное воздействие; наличие внутренней логики, сделавшей их такими, какие они есть. Появление и развитие советских праздников Плаггенборг связывал с изменением формы правления. По его мнению, прежняя власть (царское правительство) считалась данной от Бога и не требовала легитимизации, согласия подданных или наличия договора с обществом. Новая советская власть была вынуждена создавать свой набор символов, необходимый для признания со стороны народа.

Он подчеркивал, что государственные празднества проводились почти исключительно в городах. В деревне не проводились подобные мероприятия. Поэтому коммунистическая культура празднеств была исключительно урбанистской. После победы Октябрьской революции только в Петрограде между революционным юбилеем 7 ноября 1918 г. и ноябрем 1922 г. было отмечено в общей сложности 23 праздника. Например, 7.11.1918 – 1-я годовщина Октябрьской революции, 11.3.1919 – Свержение самодержавия, 1.5.1919 – 2-я советская маевка, 7.11.1919 – 2-я годовщина Октября, 22.1.1920 – Кровавое воскресенье и т.д. [2, с. 297].

Важным моментом, по мнению Плаггенборга, было привлечение к праздникам армии. Уже в 1919 г. Красная армия стала центральным элементом празднеств. Войсковые части не только использовались в инсценировках, но и принимали самое активное участие в организации праздников. Так, на праздновании годовщины свержения самодержавия в марте 1919 г. в Петрограде была показана постановка народного театра. В девяти эпизодах были представлены февральско-мартовские события 1917 г. Кульминацией спектакля был штурм стилизованного царского дворца. Организатором этого спектакля была Красноармейская театральная драматургическая мастерская [2, с. 298]. Оценивая участие армии в государственных праздниках, исследователь делает противоречивые выводы: с одной стороны, армейские части способствуют более организованному, дисциплинированному проведению постановок спектаклей, парадов и иных форм, а с другой – приводят к ритуализации праздников и утрате инициативы среди организаторов.

Плаггенборг отмечает тщательную подготовку к государственным праздникам. И в качестве примера он приводит празднование десятилетнего юбилея Октябрьской революции, которое было объявлено делом государственной важности. Руководство по его подготовке было поручено комиссии, созданной при Президиуме ЦИК СССР. Накануне события комиссия выпустила три номера бюллетеня. В этом бюллетене публиковались все указы и циркуляры, сообщалось о ходе подготовки к торжествам на местах. В циркуляре перечислялись директивы к празднованию юбилея: строжайшая экономия государственных денежных средств, финансирование праздника из местного бюджета без каких бы то ни было дотаций из Центра, соблюдение экономии в выпуске литературы, обязательная отчетность перед ЦИК, а также осуществление строгого общественного контроля за ходом подготовки к празднованию [2, с. 317].

Анализируя сущность государственных праздников, Плаггенборг приходит к следующим выводам: во-первых, было бы неверно говорить о превращении праздников в пышные мероприятия по самовосхвалению режима; во-вторых, государство, организуя празднования, создавало формы, шаблоны и рамки праздников, призванные создать впечатления единства народа

и правительства; в-третьих, изначально революционные, праздники стали государственными мероприятиями.

Американская исследовательница Карен Петроун использовала в названии своей монографии «Жизнь стала веселее, товарищи: праздники в сталинские времена» цитату из знаменитого высказывания И.В. Сталина: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». Фраза была произнесена Сталиным на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц – стахановцев 17 ноября 1935 г. В своем исследовании Петроун демонстрирует особую роль средств массовой информации, массмедиа, фотографии, фильмов и радио в официальных празднованиях [3, с. 203]. В то же время она обращает внимание на серьезные ограничения в их применении из-за недостатка соответствующего технического оборудования, например, радио или кинопроекторов. Недостаток в инфраструктуре отражался и на официальных праздниках, поскольку последние не могли полноценно осуществлять свою функцию построения новой советской идентичности. Несмотря на это, на них тратилось большое количество интеллектуальной энергии, денежных средств и времени.

В своей работе К. Петроун рассматривает историю советских празднований в 1930-е гг., их роль и значение для правительства и общества. В сферу ее интересов попадают как уже сложившиеся государственные праздники (годовщина Октябрьской революции, Новый год, День Конституции), так и новые праздники, еще не закрепившие свой статус и ритуалы (парады физкультурников, комсомольцев и т.д.). В работе собрано много фактического материала, помогающего раскрыть особенности подготовки и проведения торжеств. Однако важно отметить, что Петроун стремится выявить и противоречия, недостатки, ошибки, которые возникали в процессе организации массовых праздников. Эти противоречия, по мнению исследовательницы, могут подорвать веру населения в советские ценности, лозунги и идеологию, которые формируются, в частности, при помощи празднований. Среди таких противоречий можно выделить недостаточное количество сборников Пушкина, выпущенных к столетней годовщине его смерти, невыполнение арктическими летчиками своих обещаний по поводу установления новых рекордов и т.д. В то же время Петроун считает официальные праздники главным средством формирования новой культуры и нового советского человека. Она приводит интересные статистические факты, например, праздники были более успешными с молодежью, чем со старшим поколением, направлены на активное участие мужчин, нежели женщин.

Петроун создает свою оригинальную классификацию праздников. Она отличает празднования, которые подчеркивали «массовую культуру и массовую мобилизацию» (парады физкультурников, перелеты советских летчиков и арктических исследователей, Новогодние празднования с украшением елки), от тех, которые пытались завербовать интеллигенцию в организуемую государством программу «просвещения» (Столетняя годовщина смерти Пушкина, двадцатая годовщина Октябрьской революции, принятие новой «Сталинской Конституции»). Все эти празднования включали попытку просветить народные массы через «эмоциональные обращения и аполитичную веселость». Она сравнивает их влияние в Москве и провинциях, городских и сельских районах [3, с. 6].

Важной проблемой советских празднований являлась не всегда качественная организация торжеств. По мнению Петроун, это было связано с тем, что партийным кадрам постоянно приходилось заниматься организацией различных культурных мероприятий. Разноплановость этих мероприятий и поверхностное изучение их сути приводили к резкому снижению качества подготовки и проведения празднований. Например, организаторы надеялись, что празднование столетия со дня смерти великого русского поэта А.С. Пушкина продемонстрирует новый уровень культурного развития, вызванного социалистическим преобразованием, однако фактически празднования воспроизвели и укрепили географические различия между городом и сельской местностью, что противоречило достижению общего культурного подъема. Это было связано с тем, что сельские школы получили совсем немного из недавно изданных сборников Пушкина, поскольку местные чиновники пренебрегли обучением базовой литературе [3, с. 116].

Анализируя значение официальных торжеств, Петроун подчеркивает, что планирование и проведение праздников отражали попытки советской интеллигенции нести социальное и культурное просвещение народу. Праздники давали возможность советским руководителям соединить традиционные дореволюционные ценности и социальные практики с социалистической идеологией, а также навязать их населению и тем самым создать поддержку для государства и его руководителей.

Джеймс фон Гелдерн исследует развитие, организацию и структуру государственных праздников (фестивалей) с 1917 по 1920 гг. В работе «Большевистские праздники 1917–1920» он интерпретирует Октябрьскую революцию как новый вид политической культуры и детализирует процесс легитимизации большевистской власти через массовые праздники, главной фор-

мой которых были спектакли, такие как «Штурм Зимнего Дворца», «К Мировой Коммуне» и другие. Достигнув власти, большевики столкнулись с задачей создания новой культуры, которая должна была заполнить вакуум, образованный после разрушения старой системы власти, культуры и быта (состояние социальной и культурной аномии). По мнению фон Гелдерна, несмотря на то, что революции влекут за собой создание новых верований, противоположных существующей структуре ценностей, революционеры вынуждены использовать и приспособлять старые символы, национальные и культурные ценности, которые пользуются поддержкой народа. Это было особенно актуально для Советского Союза, где талантливые актеры, художники, драматурги и режиссеры заимствовали различные традиции из царской России.

В период между 1917 и 1920 гг. правительство большевиков находилось в состоянии войны, и, тем не менее, тратило значительную часть ресурсов на разработку общественных театрализованных постановок, которые ознаменовали победные революционные события (Первое мая и Октябрьская годовщина). Хотя художники, занимающиеся созданием фестивалей, и большевики, контролируемые их работу, значительно отличались по своим целям, они соглашались с тем, что фестивали идеально «ознаменуют революционную историю, производят социалистические мифы и новую социалистическую культуру, и объединяют людей под социалистической идеологией» [4, с. 141].

Фон Гелдерн отмечает, что революционные и царские праздники имели некоторые общие черты. Царские празднования традиционно состояли из двух элементов: династический ритуал – коронация или годовщина – и народные гулянья с ярмарками, поездками, изобилием еды и питья. Торжественность и веселье стояли бок о бок. Большевистские праздники развивались по сходной модели до конца 1918 г. Утро очередного праздника было отмечено длинными демонстрациями, хвалебными речами и выступлениями. Вечерами, если позволяло финансирование от урезанных войной бюджетов, показывали фейерверки, карнавальные игры, иногда даже сожженные фигуры. Для горожан, родившихся до Мировой войны, празднования казались неполными без этих двух элементов [4, с. 41]. Фон Гелдерн отмечает сходство праздника и революции. Опыт революции имеет много общего с праздником, оба разделяют мир на явные и дискретные лагеря, и оба объединяют личный и коллективный опыт. Праздничное выражение фактически может дать революционному опыту ясность, без которой иначе он испытывал бы недостаток. Празднество процветает на крайностях; оно поляризует мир социально, морально и эстетически. Из параллельного взаимодействия сложилось родство между праздником и революцией, которое было воспринято и затем использовалось много раз [4, с. 42].

В этом его точка зрения совпадает с мнением французского антрополога Роже Кайуа, который проводит параллель между праздником и войной как наиболее точным его аналогом. Так, Роже Кайуа считает, что такому кризису, резко выделяющемуся на монотонном фоне будней (имея ввиду праздник), практически во всем с ними контрастирующему, причем всякий раз крайне резко, можно найти только один эквивалент в современных цивилизациях. А учитывая их природу и степень развития, этот единственный феномен не уступает им по значительности, интенсивности и яркости: это война [5, с. 278]. «Война и праздник совершенно сходны: они оба открывают собой период повышенной социализации, тотального обобществления орудий, ресурсов и сил; они прерывают собой время, когда индивиды действуют каждый сам по себе, во множестве разнообразных областей. Сами эти области зависят друг от друга таким образом, что накладываются одна на другую, а не занимают каждая отдельное место в жесткой структуре. Поэтому в современном обществе война представляет собой уникальный момент концентрации и интенсивного поглощения группой всех тех элементов, которые обычно стараются сохранять по отношению к ней известную дистанцию и независимость» [5, с. 279].

Подводя итоги, следует отметить, что зарубежные исследователи советской культуры внесли значительный вклад в изучение проблематики советских государственных праздников. В частности, ими были рассмотрены вопросы организации и особенности проведения государственных праздников, выявлены просчеты и недостатки, которые сопровождали проведение праздников, создана типичная модель государственного праздника, проанализировано значение праздников для формирования новой советской культуры.

Ссылки:

1. Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М., 1985.
2. Плагенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.
3. Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000.
4. Geldern J. von. Bolshevik Festivals, 1917-1920. Berkeley and London: University of California Press, 1993.

5. Кайуа Р. Война и сакральное // Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003 // Библиотека Гумер – философия. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/kayua_voinsak.php (дата обращения: 9 ноября 2008).

References (transliterated):

1. Zhigul'skiy K. Prazdnik i kul'tura. Prazdniki staryye i novyye. Razmyshleniya sotsiologa. M., 1985.
2. Plaggenborg S. Revolyutsiya i kul'tura. Kul'turnyye oriyentiry v period mezhdru Oktyabr'skoy revolyutsiyey i epokhoy stalinizma. SPb., 2000.
3. Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000.
4. Geldern J. von. Bolshevik Festivals, 1917-1920. Berkeley and London: University of California Press, 1993. 5. Kayua R. Voyna i sakral'noye // Kayua R. Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noye. M., 2003 // Biblioteka Gumer – filosofiya. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/kayua_voinsak.php (date of access: 9/11/2008).